

рубрикам. Ведь сегодня историк зачастую не присягает на верность даже святым для профессионального историографа вещам, а именно: формационному, цивилизационному или модернизационному методам. Такое историописание, судя по А.В. Свешникову, «ненаучно» и просто не имеет права на существование.

Так что же, после всего, хочет А.Г. Еманов? Думается, простого восстановления естественного порядка вещей. А что такое реплика А.В. Свешникова? Это — очередной бунт ночного вора против изобретателя уличного фонаря.

С.В. Кондратьев

Исследователи истории Франции и власть (по материалам «Французского ежегодника 2002»)

В современной политологии существуют различные трактовки понятия «власть». Один из ведущих отечественных специалистов в данной области В.Г. Ледяев определяет власть как «способность субъекта обеспечить подчинение объекта в соответствии со своими намерениями»¹. В работах других исследователей можно, правда, встретить и несколько иные толкования². Впрочем, несмотря на расхождения в трактовках базового понятия, немалая часть политологов разделяет мнение о существовании различных форм власти. Согласно упомянутому выше В.Г. Ледяеву, формы власти — это «способы воздействия субъекта на объект, ведущие к подчинению последнего воле субъекта», в т.ч. авторитет, манипуляция, принуждение и т.п. В качестве субъектов и объектов могут выступать и различные политические институты, и части социума, в частности — профессиональные корпорации.

Одной из таких корпораций является «братство» франковедов, являющееся составной частью «сообщества» историков. Если «сообщество» историков в зна-

чительной мере является воображаемым, поскольку не все его члены лично знакомы, то внутри мини-корпорации исследователей истории Франции существуют более тесные и интенсивные связи, поскольку активные информационные потоки объединяют тех, кто говорит на одном языке, изучает сходные проблемы, один и тот же регион.

Подробное и разностороннее представление о корпорации историков-франковедов дают материалы «Французского ежегодника» (далее — «ФЕ») за 2002 год³. Данный выпуск, приуроченный к 100-летию одного из ярчайших представителей этого профессионального сообщества — Виктора Моисеевича Далина (1902–1985); как раз и посвящен теме «Историки Франции». В сборник включены воспоминания о самом Викторе Моисеевиче близких к нему людей⁴, статьи об известных отечественных и французских специалистах по истории Франции, написанные на основе не только опубликованных текстов, но и многочисленных интервью и материалов личных и семейных архивов⁵, а также два текста

¹ Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ // Полис. М., 2000. №1. С. 106.

² Подробнее см.: Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001.

³ Французский ежегодник 2002: Историки Франции. К 100-летию В.М. Далина (1902–1985) / Под ред. А.В. Чудинова. М: Едиториал УРСС, 2002. 276 с.

⁴ Логосян В.А. В.М. Далин, каким я его знал; Далин М.В. Посильный комментарий к некоторым событиям жизни Виктора Моисеевича Далина; Гордон А.В. Встречи с В.М. Далиным; Легран Р. Памяти профессора В.М. Далина; Старостин Е.В. Ученый с глазами пророка; Оболенская С.В. Первая попытка истории «Французского ежегодника».

⁵ Смирнов В.П. Фернан Бродель: жизнь и труды; Канинская Г.Н. Жизненный путь Ж.Б. Дюрозеля: выбор случайный, призвание навсегда; Мазорик К. Альбер Собуль, историк и гражданин; Озуф М. Франсуа Фюре; Бовыкин Д.Ю. А.В. Адо, профессор Московского университета; Гладышев А.В. Г.С. Кучеренко: штрихи биографии; Летчфорд С.Е. В.Г. Ревуненков против «московской школы»: дискуссия о якобинской диктатуре.

в жанре эго-истории⁶. Этот выпуск «ФЕ», по замыслу редколлегии, должен продолжить начатый в одной из последних монографий В.М. Далина «разговор о влиянии индивидуальности исследователя, его социальной среды, личного жизненного опыта на воссоздаваемую им картину прошлого»⁷. Размышляя на данную тему, авторы публикаций вскрыли некоторые внутренние механизмы, характеризующие жизнь «ремесленного братства», в том числе обозначили разнообразие властных отношения, возникавшие как внутри профессиональной корпорации, так и между нею и другими объектами.

Цель нашей статьи — проанализировать на основании представленных в «ФЕ 2002» материалов, каким образом власть в различных ее формах влияла на судьбы отдельных исследователей и сообщества франковедов в целом.

Важная особенность профессиональной мини-корпорации франковедов — ее интернациональный характер. О том, что соответствующее сообщество отечественных историков составляет неотъемлемую часть более широкого — международного, говорит целый ряд приведенных в «ФЕ» фактов. На протяжении десятилетий в разных формах идет активный взаимообмен идеями между иностранными и отечественными коллегами: знакомство с трудами друг друга, личные встречи и беседы, преподавание за рубежом, стажировки за границей, совместная подготовка и издание источников, переводы научных работ и т.п. Даже тогда, когда по политическим мотивам личные встречи исследователей из разных стран оказывались практически невозможны, сохранялся взаимный интерес и корпоративная солидарность. Благодаря им «невъездной» В.М. Далин оставался полноправным членом интернационального «братства»: зарубежные ученые «неоднократно откликались на его исследования, переведенные на

иностранные языки», избрали его почетным доктором Безансонского университета, почетным председателем Комиссии по изучению истории Французской революции и т.д., совместно с ним осуществляли международное издание сочинений Гракха Бабефа (*Погосян В.А.* С. 10, 12). Впрочем, показателен пример и самого «ФЕ». С момента его основания в 1958 г. на страницах ежегодника выступали и практически все крупнейшие советские франковеды (А.З. Манфред, А.В. Адо, В.М. Далин, Ю.Л. Бессмертный и т.д.), и такие их известные французские коллеги, как П. Ренувен, Ф. Бродель, А. Собыль, Ж. Ле Гофф и др. (*Оболенская С.В.* С. 57–78). Перечисление всех заняло бы слишком много места.

Отношения этого неформального научного сообщества с различными формами власти невозможно трактовать однозначно. Для историка-франковеда власть — это и государство, и фонды, позволяющие заработать «кусочек хлеба» и диктующие определенные правила поведения. Властные отношения просматриваются и внутри мини-корпорации, внутри таких объединений ученых, как факультет, кафедра и т.д.

Рассмотрим некоторые приведенные в «ФЕ 2002» ситуации, в которых явно просматривается воздействие власти на профессиональную карьеру историка.

Подготовительный этап. Будущие историки, как и их сверстники, с первых дней жизни усваивали определенные модели поведения и ценностные ориентации, в той или иной мере имевшие отношение к власти. Первый опыт взаимодействия с властью приобретался в семье. Представители старшего поколения вольно или невольно учили детей подчиняться: иногда — авторитету, а подчас и принуждению.

Данное утверждение подтверждает пример Ж. Дюби. На первых страницах его научной автобиографии упоми-

⁶ Дюби Ж. Наслаждение историка; Бессмертный Ю.Л. Пути медиевиста в СССР.

⁷ От редакции // Французский ежегодник 2002. С. 7. Далее ссылки на материалы «ФЕ 2002» даются в тексте статьи.

наются предки, властвовавшие в своих семьях и хозяйствах, «управлявшие своими женами, детьми и работниками» (Дюби Ж. С. 225). Авторитет старших помог будущему исследователю усвоить важные жизненные принципы, сыгравшие положительную роль в развитии профессиональной карьеры историка. «Уважение, с которым мой отец и дед, оба ремесленники, относились к добротно сделанным вещам, их стремление превзойти в своем ремесле конкурентов, их убежденность в том, что усердие в работе позволяет подниматься вверх по социальной лестнице, — все эти принципы я перенес с ручного труда на интеллектуальный» (Дюби Ж. С. 227). Влияние старших проявилось не только в отношении к избранной профессии, но и в политической ориентации Ж. Дюби. Плоды воспитания вылились в «сопротивление любым принудительным ограничениям», «неприязнь к догматике и непрошеным учителям» (Дюби Ж. С. 225, 227).

Другой известный специалист по французской истории, А. Собуль, воспринял «основные ценности своей семьи» благодаря влиянию старшей сестры отца, которая его воспитывала. Ему, как и ей, оказались близки «республиканская традиция с радикальным уклоном», «любовь к равенству и уважение к свободе», «терпимость, ...вера в избавление от предрассудков через знания и науку, упорство в труде, ...твердая политическая позиция» (Мазорик К. С. 122).

Юность (период обучения в средних и высших учебных заведениях) — время, когда будущие ученые, осваивая азы профессии, одновременно «проверяли на прочность» усвоенные в семье ценности и модели поведения, включая способы взаимодействия с властью. Начинаящим французским историкам, как и другим ученикам, власть старших не казалась незыблемой, их слово не воспринималось как закон, которому необходимо повиноваться, а не обсуждать его. Ученые, ставшие в дальнейшем известными, могли себе

позволить в молодые годы возразить родителям, склонить их к компромиссу. Так, Ф. Бродель попал на гуманитарный факультет Парижского университета в результате компромисса: он сам стремился изучать медицину, тогда как его отец желал видеть сына инженером (Смирнов В. П. С. 81).

В нашей стране отношение учащихся к власти в семье или в школе было во многом схожим.

Вопрос о роли публичной власти, государства в судьбе начинающих историков требует особого внимания. Существовавшие во Франции и в СССР политические режимы различались, кроме того, они изменялись с течением времени. Влияние государства на жизнь подрастающего поколения было, несомненно, значительным в обеих странах, поскольку в них действовала государственная система просвещения.

Во Франции до 1968 г. сохранялась система, заложенная во времена Наполеона I и с тех пор радикально не менявшаяся. Спектр изучаемых дисциплин оставался стабильным, также как структура учебных заведений и действовавшие в них внутренние правила. Академическая свобода проявлялась в том, что студенты могли самостоятельно определять последовательность изучаемых дисциплин. В некоторых случаях данное правило позволяло попасть на занятия к тому преподавателю, который в студенческой среде пользовался большим авторитетом (Дюби Ж. С. 231). По свидетельству Ж. Дюби, количество аудиторных занятий было невелико, что позволяло обучаемым с каждым годом «располагать большей свободой». Ученый с удовольствием вспоминал о том, что «в то время педагоги старались относиться к этим молодым людям, как к взрослым мужчинам и женщинам, которыми те, собственно, и были, считая их способными к самообразованию и организации работы по собственному вкусу» (Дюби Ж. С. 228–229).

Однако не все студенты могли использовать данное преимущество для повышения качества собственного об-

разования. Как отмечал Ж. Дюби, «большинству студентов приходилось зарабатывать себе на жизнь». Государственные стипендии назначались в исключительных случаях (*Дюби Ж. С. 229*). Так, А. Собуль оказался «стипендиатом республики», поскольку его отец погиб на фронте, сражаясь за Францию в Первую мировую войну. Ему удалось получить высшее образование в лучших учебных заведениях страны, но такой путь удавалось проделать немногим его сверстникам (*Мазорик К. С. 121–122*). Подобная система просвещения, как показали исследования П. Бурдые и его учеников, обеспечивала «родовое воспроизводство», когда немногим выходцам из широких слоев общества удавалось проникнуть в высшие круги, во власть (*Мазорик К. С. 121–122*).

Французские ученые, в том числе Ф. Бродель, неоднократно высказывали критические замечания по поводу системы высшего образования. И в послевоенные годы им удалось добиться некоторых изменений в ней. Благодаря организационным талантам Броделя и росту научного влияния школы «Анналов» с 1947 г. начала действовать Шестая секция Практической школы высших исследований — секция экономических и социальных наук, где работали многие крупные ученые и где было существенно увеличено количество специализированных курсов (*Смирнов В. П. С. 89, 91*). Французские студенты получили широкие возможности для учебных поездок за рубеж, в том числе в рамках Фулбрайтской программы обмена (*Канинская Г. Н. С. 112*).

Тем не менее данная система просвещения, которую, несмотря на ее недостатки, все же принимали историки старшего поколения, в 1968 г. подверглась яростной критике со стороны студентов-нонконформистов. Тогда массовые выступления студенчества буквально потрясли страну. Учащиеся высших учебных заведений осуждали «буржуазный университет», призывали «отвергнуть власть профессоров и требо-

вали заменить ее «студенческой властью», срывали лекции, отказывались сдавать экзамены, в которых они усматривали средство социальной дискриминации» (*Смирнов В. П. С. 93*). Гнев молодежи был обращен и на «буржуазное общество» и поддерживавшие его институты публичной власти. Накал страстей был столь велик, что студенческие волнения переросли в общенациональную стачку и политические демонстрации.

В результате «студенческой революции», как именуют события 1968 г., система вузовской подготовки была кардинально перестроена, появились новые высшие учебные заведения, новые кафедры. Был даже создан экспериментальный университет по американской модели, просуществовавший десятилетия (*Канинская Г. Н. С. 115–116*). Изменились и правила пользования академической властью. Они стали менее авторитарными (*Смирнов В. П. С. 94*). Молодежь соглашалась слушать профессоров, только если они не навязывали ей свои собственные взгляды, если были готовы беседовать и спорить на равных. К таким преподавателям приходили на занятия не только их ученики, но и все желающие, причем помимо официальных семинаров многие студенты посещали и «внеплановые». По воспоминаниям одного из очевидцев и участников семинара Ж.-Б. Дюрозеля, «многие из нас, еще находившиеся под влиянием идеологии, научились там терпимости» (*Канинская Г. Н. С. 114*).

В СССР ситуация была иной. Советская система просвещения с момента своего создания была нацелена на реализацию революционного лозунга: «кто был ничем, тот станет всем». Пролетарское происхождение превращалось в ведущий критерий отбора при поступлении в вуз. Гуманитарное образование было направлено на подготовку не просто специалистов, а советских специалистов, отличавшихся острым «классовым чутьем», способных обнаружить и разгромить классового противника (*Бесмертный Ю. Л. С. 259–260*). Такая цель

достигалась путем создания новых учебных заведений и преобразования прежних вузов, путем внедрения марксистской методологии и изучения актуальной проблематики, связанной с классово-вой борьбой (Погосян В.А. С. 9; Далин М.В. С. 30).

Репрессии и идеологические кампании воздействовали на политический климат в стране, в том числе в студенческой среде, а также оказывали немалое воздействие на развитие науки и просвещения. В соответствии с «духом времени» вносились изменения в учебные планы, в содержание преподаваемых дисциплин, в кадровый состав педагогов. В 20-е годы «непослушные представители интеллигенции» пополнили ряды эмигрантов, немало ученых с мировым именем оказались за границей, но на родине продолжали трудиться их ученики, которым удалось поддержать преемственность между «старой русской школой» и «советской школой» (Бессмертный Ю.Л. С. 257, 259–260). Однако на рубеже 20–30-х годов власть дала историкам явственно понять, что политический климат в стране меняется. За свои взгляды они могли быть признаны классовыми врагами, «буржуазными историками-вредителями» (Гордон А.В. С. 38). Многие отечественные франковеды были либо полностью отстранены от научно-педагогической деятельности, либо их возможности в данной области были резко ограничены указаниями свыше (Бессмертный Ю.Л. С. 258; Гордон А.В. С. 39).

Наиболее напряженной обстановка оказалась в 30-е годы. «Страх перед арестом и уничтожением сковывал умы и души. До какой степени невыносимой была атмосфера этого времени, показывает эпизод с одним из способнейших московских медиевистов. Не в силах жить под постоянной угрозой ареста, он сам явился в НКВД и просил арестовать его как «не-марксиста». Арестовать его не стали, но до умопомешательства довели» (Бессмертный Ю.Л. С. 260).

В такой атмосфере изменялось восприятие политической власти. Если первое поколение советских историков,

творивших революцию и жаждавших изучать мировой революционный опыт, отличалось «желанием все перевернуть вверх дном, сметая на своем пути все то, что олицетворяло старые порядки» (Погосян В.А. С. 10), то в годы репрессий рассуждать о власти было опасно. Спустя годы А.В. Адо так охарактеризовал ситуацию: «30 год (это же подлый процесс «Промпартии») — вообще, очевидно, начало систематического истребления всего лучшего в русской интеллигенции], всех, способных думать и потому ненавистных и подозрительных малограмотному и тупо-хитрому руководству страны — Сталин и его подручные» (Бовыкин Д.Ю. С. 180).

Что касается взаимоотношений между преподавателями и студентами, в которых также присутствует элемент власти, то их характер трудно определить однозначно. Учащимся вузов позволялось высказывать пожелания относительно того, в каком научном семинаре они хотят заниматься, под руководством какого специалиста намерены готовить дипломную работу. Но в то же время в ходе идеологических кампаний наравне со старшими их призывали обличать «врагов», даже если этими «врагами» оказывались их учителя. Подобное противоречие приводило либо к подрыву авторитета преподавателя, ученого, либо к подрыву авторитета публичной власти. Материалы сборника свидетельствуют о существовании обеих тенденций. Так, в молодые годы ученики академика Н.М. Лукина, не подвергавшие сомнению авторитет советской власти, участвовали в «разоблачении» Е.В. Тарле, в котором видели «идеологического противника» (Погосян В.А. С. 10; Гордон А.В. С. 38). Напротив, Ю.Л. Бессмертный рассказывает о другой ситуации: в конце 40-х группа студентов и аспирантов МГУ, несмотря на нашим «сверху», отказалась осудить профессора А.И. Неусыхина, хотя подобный поступок мог быть расценен соответствующими органами как неповиновение власти (Бессмертный Ю.Л. С. 258–259).

Ни репрессии, ни идеологические кампании, ни другие испытания, выпавшие на долю многих советских историков, не сломили тяги к знаниям, к научному творчеству. Квалификация молодых специалистов, в том числе начинающих франковедов, получавших образование в ведущих вузах СССР, продолжала оставаться достаточно высокой. Но сфера научного поиска была сужена, поскольку из обсуждения по тем или иным причинам исключались многие сюжеты и проблемы. И даже в 70-е годы отнюдь не один только В.М. Далин, прошедший ранее 17 лет в лагерях, «избегал разговоров на политические темы, не одобрял критических высказываний о политике правительства или о каких-либо пороках советской действительности» (Погосян В.А. С. 13). Осторожность в высказываниях превращалась в «генетический код», который передавался от одного поколения историков к другому.

Этап вхождения начинающих исследователей в профессиональную корпорацию. Без взаимодействия с властью в лице «мастеров» государства и наделенных административными полномочиями лиц включение молодого историка в состав профессионального «братства» было невозможно. Ему предстояло подчиниться гласным и негласным требованиям, чтобы попасть на государственную службу и защитить диссертацию. Характер требований во Франции и в СССР совпадал лишь отчасти, интенсивность использования тех или иных форм власти также отличалась.

Во Франции начинающий историк сначала становился преподавателем и лишь потом, параллельно с основной работой, готовил диссертацию.

Право преподавать в старших классах лицея или на некоторых факультетах университетов выпускнику вуза давало звание «агреже». Чтобы приобрести его еще в период обучения, студенты должны были сдать экзамены, требовавшие основательной зубрежки, и получить пять сертификатов по истории, географии и литературе, выпол-

нить несколько письменных работ. После чего они могли принять участие в специальном конкурсе (Смирнов В.П. С. 81; Дюби Ж. С. 228). В этом случае их судьбой распоряжались отчасти государство, отчасти профессора, принимавшие экзамены, но подчас в большей степени — административные работники и преподаватели учебных заведений, которые могли отдать предпочтение тому или иному претенденту. Ж. Дюби охарактеризовал ситуацию следующим образом: «Все еще свирепствующая, менее опасная, чем могла бы быть, но тем не менее разрушительная, эта язва французского высшего образования — местный прием на работу» (Дюби Ж. С. 239). Знакомство с ней на практике для многих историков не стало приятным событием. Например, выпускник Сорбонны Ф. Бродель на заре педагогической карьеры хотя и получил звание «агреже», но власть в лице администрации лицея, куда он хотел устроиться, отказала ему в приеме на работу. В результате будущий мэтр отправился на работу в далекую провинцию — Алжир (Смирнов В.П. С. 81).

В послевоенный период, когда одновременно происходило восстановление демократических институтов и системы просвещения, государство отчасти изменило «условия игры». В частности, на гуманитарных факультетах были созданы должности ассистентов, которые «агреже» могли занимать в течение шести лет. По словам Ж. Дюби, «их учредили в небольшом количестве... чтобы позволить нескольким аттестованным преподавателям поскорее продолжить свои исследования, защитить пораньше диссертации и стать преподавателями университетов» (Дюби Ж. С. 235).

Во Франции «путь к званию профессора университета, которое считалось вершиной научной карьеры», открывала диссертация. Ее подготовка требовала много времени и сил, подчас работа затягивалась на десятилетия, в результате чего талантливый историк мог «состариться в лицее», не успев

защититься. Так, Ф. Бродель и в 43 года, несмотря на удивительную работоспособность и упорство, «в глазах окружающих все еще оставался малоизвестным автором нескольких статей и рецензий». Ведь ему пришлось проводить архивные исследования «в свободное от преподавания время, в летние каникулы», а обобщать их во время войны — в лагере для военнопленных (Смирнов В.П. С. 82, 85–86).

В судьбах начинающих исследователей просматриваются также следы влияния властных отношений, существовавшие внутри корпорации историков. Особо значимой поддержка авторитетного специалиста могла оказаться в тех случаях, когда судьба не благоприятствовала молодым исследователям. Так, добрым гением Ф. Броделя на заре его научной карьеры стал Люсьен Февр. «Я стал не просто другом и коллегой Люсьена Февра, — вспоминал с благодарностью ученый, — но почти что его сыном» (Смирнов В.П. С. 84). В загородном доме Л. Февра Бродель приступил к работе над диссертацией. После возвращения Броделя из плена Февр не только гостеприимно принял коллегу в Париже, но и, «считая Броделя своим единомышленником и научным наследником», сделал его главным помощником по руководству журналом «Анналы» (Смирнов В.П. С. 86). Ж. Дюби, находясь в зените славы, с признательностью вспоминал о своих наставниках Ж. Денио, Ш.-Э. Перрэнэ и А. Алликсе, которые не только обучали его, но и помогли получить место, чтобы заняться «страстно любимым ремеслом» (Дюби Ж. С. 233, 235–236).

На первый взгляд, в советском обществе путь молодого историка в профессиональную корпорацию может показаться более простым, чем во Франции. В СССР, если воспользоваться словами А.В. Гордона, «существовал естественный отбор способных к научно-педагогической работе» (Гордон А.В. С. 42). В теории лучшие выпускники вузов, получив рекомендации крупных ученых, имели шансы попасть в аспирантуру, чтобы в течение трех лет ра-

ботать над диссертацией, получая от государства стипендию и выполняя незначительную педагогическую нагрузку. На практике в действительности вступали такие факторы, как прописка и «особые правила отбора». К работе в научных учреждениях старались не допускать «детей врагов народа», «кулаков» и «бывших» (Гордон А.В. С. 42–43; Бессмертный Ю.Л. С. 258). Позже отсеивали по критериям: «пребывание на оккупированной территории», «связи с границей», принадлежность не «к той» нации, неучастие или недостаточно активное участие «в общественной работе», беспартийность, «безродный космополитизм» и т.д.

Даже выпускники наиболее солидных вузов, написавшие дипломные сочинения под руководством ведущих специалистов и получившие рекомендацию в аспирантуру, подчас могли воспользоваться ею не сразу (Гордон А.В. С. 36, 40–41). Им приходилось отправляться на работу по распределению, часто — по месту жительства родителей. Так, известный в дальнейшем франковед Г.С. Кучеренко после окончания МГУ вынужден был покинуть Москву и по распределению преподавать в средней школе Самарканда. Чтобы продолжить обучение в академической аспирантуре, а затем приступить к работе в Институте истории АН, одних только блестящих способностей к научной работе было недостаточно — требовалась московская прописка. В данной ситуации желанное воздействие на решение органов местной администрации оказалось ходатайство на уровне вице-президента АН СССР (Гладышев А.В. С. 185–186).

Фортуна, научное сообщество и особенно государство не ко всем выпускникам были благосклонны в равной мере. На страницах «ФЕ» можно встретить множество рассказов о том, какую роль сыграли именитые советские франковеды в судьбах младших братьев по цеху. Положительная оценка признанным специалистом труда молодого уче-

ного могла послужить «пропуском» в сообщество историков. Так, А.З. Манфреду и В.М. Далину путь в науку помог проторить академик Н.М. Лукин. В его семинаре по истории французского социалистического движения в 20-е годы занимались оба будущих мэтра. Наставником Г.С. Кучеренко был профессор Б.Ф. Поршнев, приведший его работать в Академию наук.

Однако встречались и ситуации, когда историки, в чьей власти было помочь начинающему исследователю, пытались воспрепятствовать карьерному росту своих младших коллег. Для некоторых специалистов немаловажное, если не первостепенное, значение имел, по ироничному определению Я.М. Захера, «вопрос желудка», или желание не допустить появления потенциального конкурента, которое давало себя знать в разных ситуациях, в т.ч. при приеме на работу, в аспирантуру или в момент защиты диссертации. В отдельные периоды вопрос приобретал разные оттенки, в частности в 60-е годы он трансформировался в «национальный вопрос». По словам А.В. Гордона, «наивно видеть тут только волю «верхов», инерцию идеологического режима, кадровые установки аппарата». Проблема заключалась в ином. «В 60-х реакция дышала личными обидами, статусной ущемленностью, подспудными ощущениями нереализованности и несостоятельности, и больше всего элементарной завистью» (Гордон А.В. С. 42–43). В такой ситуации если не сам аспирант, то его руководитель должны были «просчитать» расстановку сил на предстоящей защите и принять «превентивные меры», чтобы отразить возможный удар (Гордон А.В. С. 43; Бовыкин Д.Ю. С. 163).

Работа в составе корпорации и власть. Приобретение историком статуса полноправного члена корпорации повышало его авторитет как в глазах коллег, так и в глазах общества в целом, но не освобождало от участия во властных отношениях. Государственные структуры, научные фонды, лица, наделенные ад-

министративными полномочиями и, наконец, собравшись по «цеху» могли по-разному влиять на его деятельность. В свою очередь, известный исследователь мог воздействовать на судьбу отнюдь не только начинающих историков.

Поскольку в материальном плане историки зависели главным образом от государства, то неудивительно, что его власть воспринималась ими особенно остро. На основании отображенных в сборнике фактов можно проследить в динамике отношения членов корпорации к публичной власти.

Во Франции периода Второй мировой войны, когда на севере страны хозяйничали немцы, а на юге был установлен режим Виши, способный «до основания искоренить свободу мысли» (Дюби Ж. С. 234), отношение интеллигенции к государству во многом носило негативный характер. Тем не менее, чтобы прокормить семьи, историкам приходилось подчиняться власти, хотя не все внутренне ее принимали. Ж.Б. Дюрозель преподавал в оккупированном Париже, Ж. Дюби — в провинции. Даже коммунист А. Собуль был вынужден служить учителем истории и географии в государственном лицее для мальчиков в Монпелье, чтобы заработать «кусочек хлеба». Лишь немногие решались, рискуя жизнью, открыто сопротивляться угнетению, как М. Блок, поплатившийся головой за желание восстановить демократию (Канинская Г.Н. С. 103; Дюби Ж. С. 235; Мазорик К. С. 124–125; Оболенская С.В. С. 75). Большинство же просто пытались выжить в повседневной борьбе с лишениями. Вспоминая об этом времени, Ж. Дюби писал: «Ночь и неизвестность стояли за порогом. То, как я жил в течение этих месяцев, убедило меня, что человек по-прежнему зависит от хлеба насущного, что, достигнув определенного уровня, нищета, неуверенность, безнадёжность обесценивают и неизбежно душат духовные порывы тех, кто по своей природе не является ни святым, ни героем. Что лишения, когда они недобровольны, когда они продолжительны, порождают

скорее зависть, жестокость и низость, чем братское милосердие. Что, будучи свободным, можно многое вытерпеть, но под гнетом все становится серым и грязным» (Дюби Ж. С. 234).

Послевоенные годы стали периодом «великого смещения состояний», которое «поколебало всю систему ценностей» (Дюби Ж. С. 236). С материальными трудностями и теперь сталкивались многие, в том числе молодые историки, но уже не в равной мере. Кому-то, как Ж.-Б. Дюрозелю, фортуна улыбалась. Им посчастливилось получить помимо основной дополнительную работу, обещавшую «высокие гонорары», столь необходимые для семейного бюджета (Канинская Г.Н. С. 108). А. Собуль смог себе позволить в течение двух лет заниматься подготовкой диссертации, «взяв за свой счет отпуск для исследований» (Мазорик К. С. 126). Для Ж. Дюби, напротив, «жизнь оставалась трудной. И такой она была еще долго. Выносить лишения становилось все труднее». Из чувства протеста ученый на несколько месяцев вступил в левый профсоюз ВКТ. «С моей стороны, — вспоминал он позднее, — это было проявлением не только вызова (университетскому истеблишменту), но и стремления оказаться в лагере эксплуатируемых, разделить с ними те простые и теплые товарищеские чувства, которые, как я с завистью видел, связывали тех из моих друзей, кто был коммунистом» (Дюби Ж. С. 236). В тот же период неудовольствие действиями властей могло возникать и по иным причинам. Например, назначенный ректором А. Алликс без согласия декана применил власть, чтобы добиться для Ж. Дюби должности ассистента. Узвзленный декан пытался этому воспротивиться. Через некоторое время другой покровитель Ж. Дюби Ш.-Э. Перрэн, используя связи в министерстве, смог преодолеть сопротивление маленького и замкнутого кружка преподавателей в университете Экса и вынудил его допустить в свои ряды молодого преподавателя (Дюби Ж. С. 235, 239).

В 50-е годы экономическая ситуация постепенно стабилизировалась: «государство честно вознаграждало своих служащих» (Дюби Ж. С. 240). Однако ряду историков пришлось столкнуться с проблемами политического характера. К. Мазорик упоминает, что из-за «волны антикоммунизма, захлестнувшей в 1956—1958 гг. французское общество», пострадал и он сам, и его коллеги, в частности А. Собуль. Последнему, несмотря на присуждение ученой степени, долго не удавалось устроиться на преподавательскую работу в университет (Мазорик К. С. 131). Ф. Бродель подвергался нападкам за то, что принимал на работу в Шестую секцию Практической школы высших исследований специалистом, невзирая на их политические убеждения. Ему пришлось оправдываться перед Фондом Рокфеллера, выделившим средства на создание секции, и отстаивать свое право как руководителя определять кадровую политику (Смирнов В.П. С. 89—90).

Хотя французское государство в той или иной форме воздействовало на кадровый состав корпорации и отчасти предопределяло направления исследований, используя финансовые механизмы, публичная власть все же не пыталась открыто навязывать историкам собственное мнение по тому или иному вопросу и не вмешивалась в ход научных баталий. В период между двумя мировыми войнами французские исследователи свободно изучали и трактовали работы любых мыслителей, отстаивали собственные позиции по спорным вопросам истории, без помех извне определяли содержание учебных курсов и научных публикаций, принимали у себя молодых специалистов из «враждебного» социалистического лагеря.

Во Франции XX в., за исключением нескольких военных лет, академическая свобода была реальной, а не мнимой, что позволяло корпорации действовать со значительной степенью автономии от государства. Это неизбежно поднимало значимость власти внутри корпорации.

Избранные ученым сообществом администраторы (деканы, ректоры и др.) использовали собственный авторитет и влияние как для развития науки и повышения качества образования, так и для осуществления кадровой политики. Так, Ф. Бродель приложил немало усилий к тому, чтобы создать и наладить работу Шестой секции Практической школы высших исследований. Организация научного и учебного процесса в ней качественно отличалась от традиционной университетской системы, что открывало исследователям возможности более быстрого карьерного роста. Используя данную ему власть, ученый добился создания уникального центра — Дома наук о человеке, в стенах которого работали и продолжают работать специалисты из разных стран (*Смирнов В.П.* С. 91, 93; *Мазорик К. С.* 132). Конечно, огромная административная нагрузка ограничивала возможности ученого заниматься исследовательской деятельностью, но способствовала росту авторитета и влияния не только его самого, но и возглавляемой им школы, всей исторической науки Франции.

Воздействие ученых-администраторов на кадровую политику, несомненно, было значительным на протяжении всего столетия, что нашло отражение в ряде статей «ФЕ 2002». Например, декан гуманитарного факультета Сорбонны П. Ренувен поддержал кандидатуру своего ученика профессора Зеллера в момент выборов на должность заведующего кафедрой, тем самым в вузе было сохранено влияние сторонников позитивизма (*Смирнов В.П.* С. 86–87). Тот же П. Ренувен, заняв место декана, предложил своему ученику Ж.-Б. Дюрозелю перейти на работу в парижский Институт политических наук, где последний вскоре был избран профессором (*Канинская Г.Н.* С. 108–109), таким образом, и в данном учебном заведении позиции сторонников «обытийной» истории были укреплены.

Декан факультета филологии и гуманитарных наук университета Клермон-Феррана Ж. Дроз помог получить

профессорскую кафедру А. Собулю (*Мазорик К. С.* 131). В дальнейшем Собуль стал преподавать и в Сорбонне, благодаря чему «якобинское» направление в изучении Французской революции, которое он представлял, смогло обрести новых последователей.

В свою очередь, Ф. Броделю оказал покровительство Л. Февр, заведовавший кафедрой современной цивилизации в другом престижном учебном заведении Парижа «Коллеж де Франс». Благодаря его усилиям в 1949 г. талантливый ученый был избран профессором, через год стал заведующим кафедрой, а в 1956 г. возглавил Шестую секцию Практической школы высших исследований (*Смирнов В.П.* С. 89–90). Сторонники школы «Анналов» обрели надежный «глацдарм» для проведения научной-исследовательской и педагогической работы. При поддержке научного руководителя Ш.-Э. Перрэнна Ж. Дюби занял место преподавателя в Эксе, где со временем смог качественно изменить процесс подготовки молодых специалистов и укрепить позиции данного направления (*Дюби Ж. С.* 238–239).

Обозначенные выше ситуации демонстрируют, насколько значимыми были отношения между учителем и учеником или бывшим учеником, которые также имели «властную подоплеку». Не случайно Ж. Дюби в воспоминаниях называл своих наставников «мой патрон». Тем не менее существование патрона его не угнетало, скорее наоборот, поскольку Дюби сохранял независимость: «не этот очень уважаемый мною патрон платил мне жалованье» (*Дюби Ж. С.* 236, 238).

Вокруг корифеев исторической науки формировались школы. Составлявшие их ученики и последователи мэтра, как и он сам, использовали весь свой авторитет и влияние, чтобы распространить новую методологию, расширить тематику научного поиска и т.д. Во Франции в 80-е годы, по мнению Ж.Б. Дюрозеля, одновременно со школой «Анналов» существовали и другие научные направления — «экономичес-

кая история Эрнеста Лабрусса, история христианства, электоральная история, изучавшаяся Андре Зигфридом и его учениками, история парламента, получившая известность благодаря министру Эдуарду Боннефусу, история международных отношений, созданная Пьером Ренувеном» (*Канинская Г.Н.* С. 106). Возникавшие между «старыми» и «новыми» школами научные «баталии» временами носили чрезвычайно острый характер. Так, например, Ф. Фюре «отступал от основной линии развития» и опровергал трактовки, обретшие в университетских кругах «едва ли не канонический характер» (*Озуф М.* С. 146).

«Интеллектуальное наступление школы «Анналов», пришедшее на послевоенные годы, не было обусловлено ни кадровыми перестановками, ни идеологическими кампаниями. По-прежнему деканом гуманитарного факультета Сорбонны оставался «позитивист» П. Ренуven, который продолжал поддерживать своих единомышленников. Но под идейным натиском сторонников «Анналов» он уступал право научного руководства коллегам (*Канинская Г.Н.* С. 103–104). Восходящая звезда Ф. Бродель и его наставник Л. Февр вели упорные «историографические бои», подчас сопровождавшиеся «анафемами» в адрес сторонников традиционной событийной истории (*Смирнов В.П.* С. 86–87; *Канинская Г.Н.* С. 103–105). Немаловажно, что в такой ситуации государство не отдавало предпочтения ни одной из противоборствующих сторон. Лидеры соперничавших друг с другом школ совместно «играли решающую роль в распределении государственных кредитов на науку и высшее образование, определяли основные направления научных исследований, руководили подготовкой кадров» (*Смирнов В.П.* С. 92). Хотя борьба между их приверженцами не выходила за рамки академических баталий, определенные властные импульсы, исходившие от некоторых школ, все же прослеживаются. Например, когда «позитивисты» вынуждены были уступить

пальму первенства школе «Анналов», Ф. Бродель возглавил совет по присуждению звания «агреже» и потому «мог влиять на подготовку кадров историков» (*Смирнов В.П.* С. 89–90).

Процесс смены поколений в исторической науке тоже неизбежно соприкасался с вопросом о власти. Во Франции данный процесс протекал не всегда легко и безболезненно. Когда в ходе «студенческой революции» изменились правила пользования академической властью, то оказалось, что не вся профессура способна адаптироваться к новым условиям. Так, молодежь, к немалому удивлению и огорчению Ф. Броделя, отнесла его в разряд тех, кого считала оплотом устаревшей системы просвещения. Мэтру исторической науки, не принявшему новые правила, пришлось отправиться в добровольное «изгнание». Он отказался от большинства административных постов и от преподавательской работы. Более «молодые» профессора приветствовали и поддерживали устремления студентов, по крайней мере — отчасти. Тем не менее они стремились сохранить в университетской среде «научную требовательность, процедуру ведения дискуссии и традиционные формы научного знания» (*Смирнов В.П.* С. 94; *Канинская Г.Н.* С. 115; *Мазорик К.С.* С. 136).

Благодаря изменениям в системе просвещения некоторые из «честолюбивых людей, которые стремились утвердиться в науке и не питали никакого почтения к прежним авторитетам», получили профессорские должности (*Смирнов В.П.* С. 93). Перемены отразились и на состоянии школ в исторической науке. Например, ученики Ф. Броделя — третье поколение школы «Анналов» — выбрали иную тематику исследований, чем мэтр. Они «начали отходить от изучения проблем большой длительности и обращаться к изучению «событий», переходить от социально-экономической истории к истории менталитета» (*Смирнов В.П.* С. 94).

В нашей стране властные отношения между научной корпорацией и пуб-

личной властью носили, по сравнению с тем, что имело место во Франции, гораздо более жесткий характер.

Если во Франции научная полемика не выходила за академические рамки, то в СССР на протяжении нескольких десятилетий дискуссии перерастали в идеологические кампании, за которыми могли последовать репрессии. Государственные органы нередко вмешивались в дебаты, поддерживая одну сторону и противодействуя другой, манипулируя и учеными, и общественным мнением. Дискуссиям нередко придавался оттенок политической конфронтации. Так, вскоре после революции против старой «русской школы» в изучении всеобщей истории выступили ученики академика Н. Лукина, отстаивавшие позиции марксистской методологии в отечественной историографии. Молодую «красную профессуру» отличала «излишняя категоричность в суждениях, ничем не обоснованная непримиримость к малейшим отклонениям от марксистской интерпретации, подчас неоправданная суровость по отношению к исследователям, не разделявшим взглядов Н.М. Лукина» (*Погосян В.А.* С. 9–10). Специфика дискуссии состояла в том, в частности, что поддерживаемая властью сторона не желала выслушивать аргументацию оппонентов и для «убеждения» их в своей правоте широко использовала силу государственных органов. Так, в конце 20-х годов на волне «зубодробительной критики» Д.М. Петрушевского был закрыт возглавлявшийся им Институт истории РАНИОН, где работали многие представители дореволюционной профессуры (*Бессмертный Ю.Л.* С. 260). Поколение «молодых исследователей, получивших историческое образование сразу же после победы социалистической революции», видело в старших коллегах «классового врага», в борьбе с которым допустимы любые методы. «Они горели желанием все перевернуть вверх дном, сметая на своем пути все то, что олицетворяло старые порядки» (*Погосян В.А.* С. 10).

Помимо идеологических кампаний в исторической науке 20–40-х годов, необходимо отметить влияние государственных органов на связи между советскими историками и их зарубежными коллегами. Французские исследователи в период «академического дела» 1929–1931 гг. осудили вторжение публичной власти в сферу научных дискуссий, переплетение диспутов между научными школами с идеологическими кампаниями, репрессии. В отчет «сталинские историки», как их назвал А. Матьез, развернули яростную полемику с учеными Франции, фактически отстаивая не столько научные положения, сколько защищая «сложившуюся в СССР политическую систему» (*Погосян В.А.* С. 11). Данное обстоятельство не могло не сказаться на характере и особенно на результатах научных изысканий. Разработка отечественными специалистами проблематики, связанной с революциями и классовой борьбой, в т.ч. во Франции XVIII в., часто превращалась в подбор аргументов «для оправдания авторитарной власти и массовых репрессий» (*Гордон А.В.* С. 36). Кроме того, полемика, в ходе которой одна сторона не желала воспринимать аргументы другой, обрекала отечественных исследователей на изоляцию, а корпорацию — на раскол.

В годы недолговечной «оттепели» взаимоотношения между французскими и советскими учеными вновь активизировались и уже более не прерывались, несмотря на дальнейшие перемены политического климата в обеих странах и на перипетии международных отношений. Понимая, что свобода может оказаться недолговечной, отечественные франковеды действовали с оглядкой на власть в той или иной степени, хотя и старались максимально использовать предоставленные возможности. Наступление эпохи «застоя» вновь привело к ограничению свободы научного поиска «условностями официальной идеологии». Не случайно А.В. Адо был вынужден констатировать, что «социализм не смог решить

проблему свободы научного творчества» (Бовыкин Д.Ю. С. 168). Историческая наука в СССР по ряду параметров оставалась в стороне от мировой науки. Тем не менее в отечественной научной среде «считалось, что в разработке некоторых проблем всеобщей истории советские ученые чуть ли не первенствуют» (Оболенская С.В. С. 74).

Немаловажно, что вмешательство партийных и государственных чиновников в научные дебаты происходило не только по инициативе «сверху», но и по инициативе ученых. Известны случаи, когда исследователи обращались в отдел науки ЦК КПСС, прося партийных функционеров поддержать их в научном споре против оппонентов (Летчфорд С.Е. С. 220–221).

Даже после отказа от массовых репрессий государство и представлявшие его чиновники сохранили и продолжали использовать множество рычагов воздействия на профессиональных историков. Высшие административные посты в вузах и научных учреждениях были номенклатурой ЦК КПСС (Гладышев А.В. С. 195). Труды историков публиковались, если «совпадали с общественным мнением», зачастую — с мнением тех же партийных руководителей или функционеров (Оболенская С.В. С. 72; Бессмертный Ю.Л. С. 263). Во власти научных администраторов, за спиной которых стоял партийно-правительственный аппарат, было допустить или не допустить исследователя к педагогической работе, к участию в международном коллоквиуме, позволить или запретить выезд за границу и т.д.

Сотрудникам академических институтов, чтобы заняться преподаванием в вузе или другой работой по совместительству, предписывалось получить разрешение: «для этого требовалась санкция не только дирекции института, но и президиума АН СССР» (Гладышев А.В. С. 189). В то же время на историка, помимо выполнения должностных обязанностей, власть возлагала «общественную нагрузку». Отказ от ее выполнения воспринимался как неповинове-

ние, за которым следовало наказание: ограничивались возможности для карьерного роста, для выезда за рубеж и др.

Еще более жестко государство регламентировало «внешние связи» членов ученого сообщества, особенно со странами «капиталистического мира». Не только рядовые граждане, но и ученые с мировой известностью могли попасть в разряд «невъездных». Так, В.М. Далина после возвращения из лагерей, несмотря на многочисленные приглашения зарубежных коллег, не выпускали ни для участия в международных коллоквиумах, ни для совместной работы с французскими специалистами. Претензий к качеству его научной работы, к тематике исследований не было. По признанию коллег, ученый отличался редкой работоспособностью и скрупулезностью, немало времени уделял работе с архивными документами. Подготовленные им доклады звучали на международных конференциях, но зачитывали их другие историки. Их автор, как «бывший политзаключенный, не был полностью реабилитирован и не имел права на выезд за пределы СССР» и потому сотрудничал с иностранными исследователями при помощи переписки (Погосян В.А. С. 13–14; Легран Р. С. 54). Власть могла проявлять «недоверие» к историкам и не выпускать их за границу и по иным причинам, о которых отнюдь не всегда говорилось открыто.

Государство возводило препятствия и перед теми учеными, которым поездки за рубеж были дозволены. Финансирование выделялось только членам делегаций или немногочисленным стажерам. Зарботная же плата профессора и научного работника, хотя по советским меркам и считалась значительной, была недостаточной для того, чтобы свободно выезжать за границу. Но даже если ученым удавалось изыскать средства, требовалось, чтобы «университет ходатайствовал, чтобы такой-то был включен в состав научных туристов за свой счет. Так что это была большая привилегия» (Гладышев А.В. С. 191).

Если финансовые проблемы были знакомы и многим французским ученым, преимущественно в молодые годы, то с чем-то подобным советской «многоступенчатой процедуре», предшествовавшей выезду за границу, им сталкиваться не приходилось. Сегодня трудно представить, что еще лет пятнадцать назад желающего выехать за рубеж зывали для беседы «в партком, потом в горком, потом по министерской линии, одновременно проверяли по учебной линии: от декана до проректора», что разрешения на командировку можно было ожидать годами (*Бовыкин Д.Ю.* С. 161; *Гладышев А.В.* С. 188–189).

Облеченные специальными полномочиями лица продолжали контролировать поведение советских ученых и за рубежом. Чтобы легче осуществлять подобный контроль, индивидуальные командировки историков допускались в минимальном количестве. Предпочтение отдавалось поездкам в группе, где «обычно назначались староста, парторг, комсорг, были в ней и кураторы от КГБ» (*Бовыкин Д.Ю.* С. 161). Ученым предписывалось соблюдать инструкции, которые, в частности, указывали: «по возможности меньше общаться с иностранцами» (Там же). Но даже соблюдение исследователем всех писаных и неписаных правил не означало, что в его поведении за границей не будет обнаружено нечто предосудительное, за что власть его накажет. Например, Г.С. Кучеренко попал в категорию «невозвращенцев» лишь потому, что задержался во Франции по предложению советского посла на 11 дней для работы в библиотеке. Бюрократический механизм «сработал» оперативно, и не успел исследователь вернуться из поездки, как уже был снят с должности заведующего сектором «по собственному желанию» (*Гладышев А.В.* С. 193–195). Естественно, что, опасаясь «попасть под колесо государственной машины», ученые старались следовать предписаниям, даже если те мешали их эффективной научной деятельности за рубежом.

Властные отношения внутри членов корпорации, точнее — ее советской части, тоже имели свою специфику.

Научное сообщество, какие бы ограничения на него ни накладывали, все же сохраняло минимальную возможность выразить свою волю путем голосования. Огромную роль в жизни корпорации играли выборы новых членов-корреспондентов АН СССР. Обретение статуса членкора было почетным. Кроме того, оно давало возможность воздействовать на кадровую политику. Поэтому «баталии», разгоравшиеся в преддверии и в ходе выборов, были очень напряженными (*Оболенская С.В.* С. 68; *Бовыкин Д.Ю.* С. 177; *Гладышев А.В.* С. 190).

Впрочем, роль того или иного историка в профессиональной корпорации определялась далеко не одним только местом в академической иерархии. В отечественном франковедении имелись свои корифеи, обладавшие немалым авторитетом и влиянием, но так никогда и не ставшие ни членкорами, ни академиками. Так, в 50–70-е годы бесспорным лидером отечественной корпорации франковедов был А.З. Манфред. Однако его заслуги «так и не были по достоинству оценены советской Академией наук»: каждый раз на выборах в нее он терпел неудачу (*Логосян В.А.* С. 16).

В СССР, как и во Франции, авторитетные ученые оказывали помощь и поддержку коллегам. Ее роль была особенно ощутимой в тех случаях, когда историк подвергался репрессиям. Несомненно, в суровые сталинские годы для вышедшего из заключения В.М. Далина много значила поддержка академика В.П. Волгина. В 1946 г. недавний узник ГУЛАГа вернулся из концлагеря на Колыме и был вынужден поселиться на 101-м километре от Москвы. Власть ему позволила преподавать историю в Ярославском педагогическом институте, отлучив от столицы. Тем не менее академик счел необходимым поручить В.М. Далину подготовку комментария к изданию книги Ф. Буонаротти «Заговор равных» (*Далин М.В.* С. 32). В свою

очередь В.М. Далин, став одним из лидеров сообщества франковедов, проявлял максимально возможную заботу о коллегах. «Сколько людей с разных концов страны к нему обращались, сколько он смог помочь хотя бы своим участием!» (Гордон А.В. С. 37).

Отношения мэтров отечественной исторической науки с коллегами складывались вне зависимости от того, были ли ученые близки к «верхам» или нет, занимали или не занимали административные посты, участвовали в политических баталиях или уклонялись от них. Одним из признанных лидеров корпорации был А.В. Адо. Хотя он был профессором МГУ, а не ученым-администратором, коллеги видели в нем человека, который «своим научным авторитетом прикрывает все новшества». Для начинающих исследователей, и не только для них, А.В. Адо, по воспоминанию одного из коллег, был «старшим, самым мудрым, который все знает, который прикроет. Ошибешься — поправит, собьешься с пути — подскажет» (Бовыкин Д.Ю. С. 173). Одно из важнейших качеств учителя, которое восприняли его ученики, — терпимость к иным точкам зрения, если «они побуждают к размышлению над проблемами» (Бовыкин Д.Ю. С. 165).

Представленные во «Французском ежегоднике 2002» материалы показывают, сколь многогранными были отношения историков-франковедов и власти. На разных этапах жизненного пути исследователи вступали во взаимоотношения с таким актором (субъек-

том), как государство. Властные отношения возникали не только между государством и корпорацией историков, но и внутри нее. В такой ситуации в качестве субъектов выступали известные ученые и созданные ими школы, специалисты, наделенные административными полномочиями, исследователи, пытавшиеся оказать давление на коллег тем или иным способом. В обеих странах историки нередко сталкивались со сходными проблемами, имеющими отношение к власти. Но во Франции исследователи и преподаватели многие вопросы решали внутри корпорации, государство на протяжении большей части столетия придерживалось установленных «правил» взаимодействия с научно-педагогическими работниками, которые не были обременительны для членов профессионального «братства». В СССР воздействие со стороны «верхов» было более значительным, официальные «правила» тесно переплетались с неофициальными. Научные дискуссии нередко перерастали в конфликты, в которых представители партийно-политического аппарата играли роли иногда — арбитров, иногда — прокуроров и судебных исполнителей. Но и в такой атмосфере продолжался научный поиск, сохранялся живой, неподдельный интерес к истории Франции, что позволило профессиональной корпорации советских франковедов пережить все политические перипетии и остаться частью международного научного сообщества.

Е.Ю. Лыкова

Французский абсолютизм и советская историческая наука (Заметки на полях монографии С.В. и Т.Н. Кондратьевых)

Историографическое исследование С.В. Кондратьева и Т.Н. Кондратьевой, посвященное дискуссиям советских историков 1920-х — начала 1950-х годов о французском абсолютизме и клас-

совой борьбе¹, содержательно, по-настоящему проблемно. В первый черед оно привлекает внимание тех, кто интересуется социальной историей Западной Европы раннего нового времени

¹ Кондратьев С., Кондратьева Т. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовый борьба (20-е — начало 50-х гг. XX века). Тюмень, 2003. Далее ссылки на книгу даются в тексте.